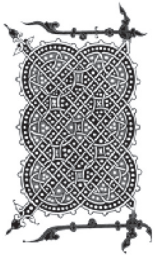

© 2022 О. В. Кириченко
Москва, Россия

ВОПРОС О РУССКОМ «АРХЕОМОДЕРНЕ» В КОНЦЕПЦИИ А. Г. ДУГИНА

Аннотация. Статья посвящена анализу концепции «археомодерна», выдвинутой известным философом А. Г. Дугиным как идейное расширение понятий «модерн» и «постмодерн». В монографии «Археомодерн» автор показывает себя как западник-неоклассик, продолжатель линии Чаадаева и Белинского. Его критическая и, по сути своей, уничижительная оценка русской традиции и культуры подразумевает ее «молодость», «неразвитость», «задержку в росте и развитии». Причину этого Дугин видит в слепом копировании и следовании западной традиции, отсутствии самостоятельности русской мысли в период Средневековья. Дугин не сопоставляет Восточное и Западное христианство, по-западному трактует процессы Возрождения, Просвещения, видя в Европе образец самостоятельности и полноты вызревания культуры и отступление от своего пути лишь в последний век. Дугин с равной долей искренности отстаивает западническую и антизападническую точки зрения. Причины данного консенсуса двух диаметрально противоположных точек зрения также анализируются в статье.

Ключевые слова: археомодерн, модерн, постмодерн, премодерн, Запад, Россия, христианская традиция, Православие, Католичество, западничество, восточничество.

Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

Ссылка при цитировании: Кириченко О. В. Вопрос о русском «археомодерне» в концепции А. Г. Дугина // Традиции и современность. 2022. № 31. С. 49–58.

Кириченко Олег Викторович (Kirichenko Oleg Viktorovich) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, эл. почта: kirichenko.oleg.1961@mail.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0730-7075>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2022. № 31. С. 49–58

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 0.09; 82–96; 397; ББК – 63.3 (2Рос.); 86.39; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2022-31/49-58>

Подобное противоречивое явление – одновременность западнических и восточнических симпатий, притом что каждая позиция в отдельности исключает другую, борется с ней и ей противостоит, – характерное явление для советской формы постмодерна, тайного постмодерна. Вообще же западничество как идейность нельзя понять вне контекста возрожденческого мировоззрения, называемого эпохой модерна, вот почему для западника А. Г. Дугина оперирование категориями премодерна, модерна, постмодерна, археомодерна становится основополагающим. Именно они дают ему инструмент быть своим и среди западников, и среди восточников (евразийцев); что в реальности вовсе не означает того, что философ Дугин свой в обоих этих лагерях. А поскольку советский идеологический подход начиная с середины 1930-х годов стал допускать сосуществование советской идейности и еще чего-то другого (тайного постмодерна), то этот обкатанный практикой опыт сочетания несочетаемого можно было и дальше применять, по возможности. Что и делает Дугин, соединяя евразийскую идейность (восточничество) и свою любовь к западному постмодерну, присоединяя сюда еще и французский структурализм, немецкий социальный неофрейдизм и экзистенциализм и многое другое. В этой западнической всеядности он и находит себя в полной мере. Западничество (западнический общеполитический дискурс) – родное ему, для сердца и души, поскольку здесь – и инструментарий, и само главное – антимодернистский пафос, сводящийся к выполнению исторической миссии, которую не выполнил европейский модерн. Восточничество Дугина, думается нам, вынужденное, оперативно тактическое, связанное с решением ряда важных «русских задач», без которых нельзя будет выйти на стратегический простор решения западнических задач. Евразийство тут пришлось как нельзя кстати. В значительной степени помогают последние события, связанные с ведением Россией специальной военной операции на Украине, его гражданский патриотизм, покушение на него украинских спецслужб, его поездка к А. Г. Лукашенко, которому он выразил свое восхищение и согласие с его внутренней и внешней политикой. Дугин быстро набирает политические очки как патриот России, мыслитель ее освободительной миссии, но как это нередко сегодня бывает, за этим стоит миф, который был создан вокруг Дугина как «государственника» силами газеты «Завтра» и лично ее главным редактором А. А. Прохановым. «Государственник» он и для православного К. Малофеева, думца, зампреда Русского Народного собора, с кем они в последнее время разрабатывали теорию имперского развития и места в этом процессе России.

А это уже поддержка со стороны православных консервативных сил. Дугин давно выбрался из тенет «подпольного человека» (в интерпретации Ю. Мамлеева – подпольной идейности Достоевского), с чего он начинал когда-то. Редко обозначает свой леворадикальный революционный пафос, который раньше удобно было озвучивать на митингах. Сейчас он чаще всего выступает в социальных сетях или на страницах печати. Перестал активно заниматься евразийством. Восточничество (как дериват евразийства) Дугина сейчас, очевидно, не так важно для решения западнических задач. Но нам это интересно для понимания того, куда сегодня дрейфует российская западническая мысль, которая сопряжена у Дугина с понятием «убить» русскую традицию, в отличие от восточнической мысли, связанной с темой ее «вылечить». Сегодня западнический дискурс Дугина ясно, выпукло и ярко выражен в его недавней книге «Археомодерн» (2022 г.), на которую мы и будем опираться в аналитике его западничества. Дугин продолжает, несмотря на войну на Украине, несмотря на его русскую патриотичную риторику в широком публичном пространстве, оставаться активным западником, продолжает декларировать первенство своего западничества над восточничеством!

Несомненно, А. Г. Дугин – западник-неоклассик, действующий в рамках классического западничества А. Я. Чаадаева и В. Г. Белинского (каким тот предстает в его письме к Н. В. Гоголю), критикующих русский народ за его якобы отсталость и неразвитость, корни которых – в приверженности народа к православию, вместо прогрессивного поклонения природе. Дугин сам признается в своих симпатиях к Чаадаеву: «Чаадаев говорит: “Если мы посмотрим на русскую культуру, русскую историю, русское общество, то мы увидим там какую-то полную чушь. Всё: и государство, и право, и идеология, и религия, основаны на многоэтажной лжи, имитации, пародировании, неадекватности, передержке, абсурде”. Правильно говорит Чаадаев, он абсолютно прав. Так оно и есть вплоть до нашего времени» (Дугин 2022а: 34). От Чаадаева у Дугина антинародный (антипростонародный, антикрестьянский) критицизм; тема исторической незрелости русского народа, его неразвитости, дремучести. Классическое западничество – это элитарное, снобистское отношение к родной, русской народности и провозглашение в качестве образца немецкой, английской и французской культуры. Истоки чаадаевской идейности, судя по «сумасшедшим письмам» (Дугин любит и ценит «добродетель» сумасшествия!), в англоманстве, обычном бытовом русском англоманстве, с его благоговением перед стриженными лужайками, вышколенной прислугой, облеченной

в строгий этикет культурой. Современный российский западник далеко ушел от бытового западничества 1830-х годов или культурного западничества 1860-х, теперь он не просто хочет, чтобы «нас завоевали» французы или немцы и насадили, наконец, в России подлинную европейскую культуру и добродетель. Он сам хочет завоевать Запад тем, что Запад отвергает и в чем не видит свою пользу, о чем писал А. Блок в стихотворении «Скифы», незадолго до своей кончины. Дугин идет к западному читателю «со счетами», предъявляя ему претензии и предлагая варианты решения проблемы Запада, он учит Запад, как жить.

Весьма своеобразно Дугин трактует понимание традиции, модерна, постмодерна. Термин «археомодерн» придуман им для того, чтобы объяснить корневую основу западного мира и бескорневую – восточного, в том числе российского, русского. Каждое из этих понятий, отражающее возможности воспроизводства всего жизненного уклада той или иной цивилизации, народа, – Дугиным трактуется как особый психотип со своим субъектом и объектом. Традиция, например, это реальность, сопряженная с царством снов: «Парадигма традиции действует, пока мы спим, там всюду орудуют архетипы, активно действует бессознательное. Когда мы просыпаемся, начинается парадигма модерна» (Дугин 2022а: 25). Как западник Дугин опирается на западные методы исследования и понимания человека, его природы и существования в истории. В основе своей методологии Дугин – неопрейдист, поэтому авторитетом для него, кроме З. Фрейда, является К. Юнг, разработавший теорию архетипов, таящихся в коллективном бессознательном в структуре сознания. Но социальный фрейдизм недостаточен для объяснения энергии подсознания, поэтому он активно использует работы французских структуралистов, в значительной степени М. Фуко, его идейность, объясняющую «волю к знанию».

Но самая главная западническая черта Дугина состоит не в глубочайшем погружении его в западническую эпистемологию, а в отказе признавать за восточно-христианской, православной мыслью право на истину, на самостоятельность в области светской, философской мысли, право на восточно-христианское Возрождение, которое осуществилось в Византии и отчасти начало осуществляться в Московской Руси в XIV–XV вв. Дугин ведет отсчет западного модерна с XVI в., с начала эпохи Просвещения, хотя время западного Возрождения совпадает с началом западного модерна, который принято датировать XIII–XIV вв. Это преклонение перед западным рационализмом заставляет Дугина, с одной стороны, петь ему дифирамбы и говорить, что ничего другого, равного ему, не было создано; с

другой стороны, он критикует западный рационализм и обвиняет его в том, что тот зашел в тупик и завел туда все человечество. Он критикует модерн, но при этом говорит, что благодаря ему стал очевиден субъект как основа для подлинного, философского познания и описания мира.

Странный, придуманный Дугиным термин «археомодерн» появляется у него при характеристике восточно-православной, русской мысли, которая оказалась между молотом и наковальней, между «премодерном» (термин Дугина) и модерном. Мысль не оторвалась от премодерна, то есть традиционного общества, и не прибилась к «расколдованному обществу» модерна. Русская мысль живет в постоянной борьбе премодерна и модерна. Отсюда археомодерн – «сбой» в системе. Только западная мысль сумела оплодотвориться рациональностью, а русская, как и вся восточная, точнее, азиатская мысль осталась прозябать в археомодерне. «В условиях археомодерна сегодня живет подавляющее большинство человечества. Это страны третьего мира, Востока (даже индустриально развитого) и Россия» (Дугин 2022а: 30). Подобное незавидное, позиционное положение заставляет Дугина давать русскому археомодерну, русской мысли крайне нелестные характеристики. «Археомодерн является острым метафизическим, философским, парадигмальным заболеванием, самым серьезным, самым страшным и самым опасным, а эстетически – самым отвратительным. При этом это заболевание заразное... При этом структура (то есть элита. – О. К.) все еще сильна, но нема, а керигма (народ в данном случае. – О. К.) слаба, но параноидально жестока (хотя и косноязычна)» (Дугин 2022а: 31). Описание Дугиным русского общества археомодерна нервно, агрессивно и радикально, словно его одолевает иступление, как оно одолевало штатных пропагандистов Третьего Рейха. Но фашистская Германия оказывается для Дугина менее опасной, чем погруженная в археомодерн Россия (!): «Германия и ее психическое расстройство – ничто в сравнении с археомодерном России. В России в последние века русское бессознательное конфликтует с совершенно чуждой ему нерусской рациональностью». Русский народ склонен к шизофреническому расстройству (Дугин 2022а: 131), русские говорят на «кукуйском языке». «Черномырдинский кукуйский язык – это классический ортодоксальный язык археомодерна, где все совершенно непонятно в целом, но все понятно по частям. Мы интуитивно угадываем, что он хотел сказать, ухватываем смысл... мы тоже принадлежим к кукуйскому народу, к условиям археомодерна и мыслим и говорим именно по-кукуйски... Все, включая всех присутствующих и всех живущих в России, и по-другому мыслить не

можем... это общее неразрывное, сплошное поле русского бреда» (Дугин 2022а: 32). «Мы» и «все» – это, конечно, для смягчения фразы, чтобы обращение к своим соотечественникам не выглядело слишком дико и одиозно. Впрочем, дальше в тексте будет сказано, что автор отделяет себя от людей, которые непрерывно бредят, ведь настоящих мыслителей в России единицы, просто по пальцам перечесть.

Но отправимся далее вслед за «дугинской пропагандой»: «Русский умный отличается от животного тем, что он может отличить какие-то рациональные сигналы, понять, почувствовать... И русские вполне могут отличить – по степени болезненности ощущений и силы удара – сильные идеи от слабых. Тем самым создается видимость разумности, не присущей зверям и полным клиническим идиотам. Но при этом отличает эти рациональные сигналы русский человек очень специфически – спиной» (Дугин 2022а: 33). Русские философы, те самые второй половины XIX – начала XX в., увы, тоже не на высоте человека разумного: «Так философствуют коты. Этот бред самоутверждается и разворачивается в форме видений наяву, ощущений, испытаний плоти, абстиненции (те же философы-девственники – Соловьев, Федоров) или наоборот – дикой пьяни, разгула и разврата, как у других философов Серебряного века...» (Дугин 2022а: 34). Славянофилы, эта плеяда искреннейших служителей народа, у Дугина становятся союзниками западников, они признают негативные характеристики, данные западниками народу, но отличаются от западников тем, что обвиняют в этом Петра и его реформы. Здесь уже не только клевета и охаивание народа, его унижение, но и искажение тех мыслительных идей, о которых Дугин, конечно, осведомлен.

Продолжим далее цитировать его глумливую смердяковскую мысль, чтобы выяснить, чего же он хочет. А хочет он, вместе с симпатичными ему русскими западниками, «убить больного». Подчеркнем, что речь идет о целом народе! Народ – это больной, которого лучше убить, чем видеть «отвратительный облик больного, пускающего слюнявые пузыри, отказывающегося самостоятельно передвигаться, глупо хихикающего» (Дугин 2022а: 37). Потом «покойника» необходимо будет отправить в морг. А «на место, освободившееся после перемещения больного в морг, после его эвтаназии, придет нечто более разумное и полноценное, выстроенное по законам керигмы (рациональности. – О. К.)» (Дугин 2022а: 37). Дугин явно додумывает перспективы будущего русского народа за русских западников, добавляет им от себя солидную порцию радикализма. Логика мысли автора далее такова: российское общество пошло в XIX в. по пути не западников, а славянофилов, предложивших русский

народ «лечить», а не «убивать». Славянофилы предложили «убить» «врачей», которые, по их мнению, были виновны в таком положении больного. Славянофилы принялись тогда за лечение, их эстафету подхватили евразийцы. И сам Дугин, вдруг, в этот момент оказывается не в лагере западников, а в лагере евразийцев-восточников, потому что в 1990-е годы именно он подхватил знамя неоевразийства и развернул вглубь и вширь эту эмигрантскую идею. Хотел бы «убить», но не «убил», согласился на курс лечения народа, из западников на время переквалифицировался в восточника-евразийца. Но, конечно, судя по книге «Археомодерн», автор сумел сохранить в себе сокровенное, западническое отношение к народу, пускающему «слюнявые пузыри» и не готовому к «лечению».

Сама Россия для Дугина, как общество археомодерна, – это территория «свалки», мусорной кучи, где нет ничего, кроме мусора, «это типичный социальный пейзаж» страны (Дугин 2022а: 52), «мерзость запустения». «В отличие от естественного запустения эндогенно логосных – западных – обществ и людей, археомодерн не превращается в свалку постепенно, а представляет собой свалку изначально как искусственно организованное место сброса отходов более органичных культур» (Дугин 2022а: 54). И еще один похожий пассаж: «Мы должны предъявить серьезные основания (так у автора! – О. К.), почему мы просидели две с половиной тысячи лет в тайной яме, пока европейцы методично шли путями своего логоса? Что мы там делали и для чего? Какой смысл в том, что мы спаслись?» (Дугин 2022а: 117). Разве христианин мог написать такие слова? Но продолжим «нагнетать». В обществе археомодерна «доминирует принцип социальной лжи – и элиты и массы систематически лгут себе и другим о своей природе, но не потому, что знают истину, но скрывают ее, а потому, что не знают этой истины и скрывают свое незнание» (Дугин 2022а: 66). И это говорится о народе, где есть Православная Церковь, хранительница подлинной веры, которую сохранил в том числе простой народ, а не только епископат и духовенство! И до сих пор хранит веру, зная из Евангелия, что истина – это Христос. Для автора не существует ни святых Русской Православной Церкви, ни многочисленных подвижников, ни сонма мучеников и исповедников XX в., он, словно западный обыватель, не зная русской истории, опирается только на популярные мифы о России из газет и социальных сетей. Он обвиняет Россию и народ в смердяковщине, хотя сам являет пример смердяковского отношения к земле, на которой вырос и где получил образование. Единственное, в чем автор прав: «Смердяков – абсолютно автохтонный русский выродок». Но и тут он го-

тов пофилософствовать: «Его (Смердякова. – О. К.) “западничество” не является причиной его вырождения, напротив, вырождение свое, глубинное, толкает его из осознания собственной патологии и отращения к своему и всему окружающему – к поклонению перед “другим”, в данном случае перед Европой, возводимой в идеал» (Дугин 2022а: 69). И в другом месте текста сам же Дугин поклоняется Европе: «Цепочка Премодерн – Модерн – Постмодерн действительно только применительно к западным обществам – к Европе, США, Канаде, Австралии и т. д. В зоне устойчивого и доминирующего развития западной цивилизации мы можем четко фиксировать переход общества по всем трем парадигмам, при том, что утверждение каждой новой парадигмы тяготеет к фундаментальности, необратимости и очищению остатков предыдущей» (Дугин 2022а: 58). Или: «Западная культура отличается чрезвычайно развитым “числителем”. Керигма (рациональность. – О. К.) настолько сильна, что не боится проникать в самые толщи “Оно”, освещая своим светом самые тайные и темные уголки подсознания» (Дугин 2022а: 133). Русская культура к этому не способна. Начав обвинительную речь о Смердякове, Дугин обвиняет всю русскую аристократию в смердяковщине (заодно включив сюда и Чаадаева, перед которым преклонялся и благоговел на предыдущих страницах). Такое впечатление, что автор не контролирует свою мысль, подчиняя ее эмоциональному тону момента. И эта увлеченность потоком мысли напоминает нам поэтическую манеру экзистенцирования М. Хайдеггера. Отсюда, думается, идет и поэтическое вольнодумство Дугина, хотя совершенно очевидна колоссальная разница в результатах экзистенции того и другого.

У академика Д. С. Лихачева, глубочайшего знатока русской средневековой письменности X–XVII вв., есть такие слова о предмете его изучения: «Русской литературе без малого тысяча лет. Это одна из самых древних литератур Европы. Она древнее, чем литература французская, английская, немецкая. Ее начало восходит ко второй половине X в. Из этого великого тысячелетия более семисот лет принадлежит периоду, который принято называть “древней русской литературой”... Художественная ценность древнерусской литературы еще до сих пор по-настоящему не определена. Прошло уже около полувека с тех пор, как была открыта (и продолжает раскрываться) в своих эстетических достоинствах древнерусская живопись: иконы, фрески, мозаики. Почти столько же времени восхищает знатоков и древнерусская архитектура – от церквей XI–XII вв. до “нарышкинского барокко” конца XVII в. Удивляет градостроительное искусство Древней Руси, умение сочетать новое со старым, создавать силуэт

города, чувство ансамбля. Приоткрыт занавес и над искусством древнерусского шитья. Совсем недавно стали “замечать” древнерусскую скульптуру, само существование которой отрицалось... Древнерусское искусство совершает победное шествие по всему миру. Музей древней иконы открыт в Реклингхаузене (ФРГ), а особые отделы русской иконы – в музеях Стокгольма, Осло, Бергена, Нью-Йорка, Берлина и многих других городов» (Лихачев 1987: 5–6). Русская художественная культура XIX – начала XX в. для западного ценителя в подобных разъяснениях не нуждается. Но нашим западникам этого мало, ведь в России нет такой, как на Западе, философии, хотя она и завела, по признанию самого Дугина, Запад в тупик. Дугин называет это «сбоем». Он случился уже после кончины М. Хайдеггера, когда «отрицание субъектной природы человека превратилось в критику субъекта и тем самым осталось накрепко связанным с той самой субъектностью, от которой все старались освободиться» (Дугин 2022а: 195). С этим явлением Дугин связывает появление в 1970-е годы на Западе постмодерна. Оказывается, роковая ошибка была сделана раньше на несколько столетий. Но если читатель подумает, что речь идет о 1054 г., он ошибется, потому что Дугин вообще философскую мудрость не связывает ни с православием, ни с католичеством. Просто когда-то, в начале Нового времени, по Дугину, в XVI в. произошел отход от физики Аристотеля и все пошло не так, вместо физики о человеке начались «физика ада, триумф титанов, наука Антихриста» (Дугин 2022а: 206). А ведь это истоки западного модерна, то, чем Дугин так гордится в другом месте цитируемой книги и что так превозносит, идейность Логоса и проч. Оказывается (по его же рассуждениям), что здесь та же архаика, тот же археомодерн, что и у всех прочих «недоразвитых народов» (по его оценкам). Но Дугина это не смущает, он не ставит перед собой задачи сводить концы с концами своих идейных посылов, главное – «ввязаться в сражение, а там посмотрим». Так что наш Наполеон то здесь, то там обнаруживает свою фигуру авантюриста и провокатора. Как и Наполеон, он любит предавать своих самых близких людей, с которыми работал, общался, воевал, от которых получал знания. О них Дугин напишет с высоты нынешнего своего величия, зло и требовательно: «И потом, смотрите, сколько у нас диссидентов вернулось. Они сбежали отсюда на Запад – писатели Юрий Мамлеев, Эдуард Лимонов, философы Александр Зиновьев, Татьяна Горичева, художник Владимир Котляров. Они поехали за комфортом, по-простому, совершенно по-русски, и поняли, что в тяжелейшей машине западноевропейского духа от Гераклита до Хайдеггера им вообще не оставлено никакого места, просто ничего...

и они вернулись к своим, где все понятнее» (Дугин 2022а: 108).

Дугину плохо от того, что все перечисленные им люди стали за границей патриотами России, стали говорить там о великой цивилизации, независимо от того, какая она – советская или имперская, они вернулись назад со светлым отношением к своей стране и народу. А он, находясь здесь, потемнел еще больше. Вот что его беспокоит. В статье, в газете «Завтра», посвященной юбилею Ю. Мамлеева, Дугин в этом же духе, но значительно осторожнее (все-таки патриотическая газета!) пишет о том, как изменился Мамлеев, вместе с приобретенным русофильством от него ушло то святое «подпольное», что делало его когда-то особенным (Дугин 2021). А вот Дугин сохранил эту страсть к очернительству своего народа. Написав фразу «мамлеевский миф» о двух разных Мамлеевых, Дугин, как известный евангельский персонаж, думал похоронить своего учителя, чтобы самому, без опеки начать «воскрешать мертвых и исцелять больных», используя уже без оглядки тот дар, которым его наделил учитель. Но жизнь творческого человека состоит не только из книг, но и из судьбы. Дугин пишет много книг, даже слишком много для простого человека, только этого оказывается недостаточно, потому что судьба его совсем не тянет на судьбу героя. А ведь судьба подтверждает написанное в книгах. Или – наоборот.

Из диагноза Дугина, данного «больному» по имени русский народ, вытекает и предлагаемая в книге «Археомодерн» лечебная психотерапевтическая методика, целиком и полностью построенная на фрейдистских и неофрейдистских подходах. Врач, у Дугина, от слова «врать» (так он пишет!), он же жрец. Лечащих больных Богочеловека Христа и святителя Николая он превращает в жрецов, которые действуют, как настоящие костоломы в каких-то русских сказках, конечно, неизвестных читателю: «Они ходят по деревням и лечат. Запирают в банях безнадежно больных, рубят на куски, моют кости, варят, потом собирают заново...» (Дугин 2022а: 135). Взяв материал из практического опыта какой-то изуверской секты (если речь идет о жрецах и расчленении тел), Дугин, ничтоже сумняшеся, пишет, что эти сведения взяты из русских сказок. Под такой сказочный зачин, начало русского лечения, Дугин подводит историческую канву сосуществования «двух православий» у русских. Начинается его историческая песнь со слов «Мы были частью византийско-православной эйкумены». Потом русские обрели единое религиозно-политическое самосознание народа Третьего Рима. «Это своего рода русский “сионизм”, осознание богоизбранности русских». С XVII в., с ре-

форм Никона (которого Дугин, как старообрядец, очень не любит), верх взяла греко-западная линия. «С конца XVII века русско-московский “сионизм”, Третий Рим уходит в массы, в “знаменатель”, в бессознательное. И пребывает там. Последними рациональными носителями его являются старообрядцы (единственно психически здоровые русские люди – это староверы)» (Дугин 2022а: 136, 137). Но надо, конечно, понимать, что все эти характеристики должны сопрягаться с совокупностью всех предыдущих характеристик, данных русскому археомодерну: с сумасшедством, отсутствием человеческой речи, шизофренией, мусорной свалкой и прочими прелестями де-социальности. То есть все эти русские идеи, с Третьим Римом и посягательством на сионизм, нужно коррелировать со «слюнями», бредом и проч. Еще одна претензия: у русских «нет секса»: «наше бессознательное это океан психотической любви, где все сливается со всем, все растворено во всем» (Дугин 2022а: 138). Далее идет своего рода обращение интеллектуала Дугина к русским крестьянам, еще в начале XX в. – большинству русского населения, которые для него являются существами, еще не превратившимися в людей: «Человек без образования не совершенен и не завершен, он представляет собой лишь возможность человека, сырую глину, способную получить и сохранить форму, принять ее на себя, но саму по себе не имеющую никакого смысла – кроме подсобного. Человек без образования – часть человека, обещание человека, вексель» (Дугин 2022а: 141).

Однако у России и русского народа хорошие перспективы. Лечение ее и русских возможно, потому что страна не испытала «прямой колонизации», как многие страны Азии, Африки и Латинской Америки, а лишь культурную колонизацию. «У России теоретически есть шанс осуществить консервативную революцию в пользу структуры... сбросить западническую керигму и начать процесс антиколониальной борьбы против европейской керигмы в планетарном масштабе» (Дугин 2022а: 39). Ф. М. Достоевский, конечно, не принял бы такой трактовки русской миссии, русской всеотзывчивости. Как ни странно, автор в постсоветской России берет в союзники (которые должны осуществлять миссию лечения народа) представителей современного западничества – Чубайса и Гайдара. И наиболее «правильную» из них – Новодворскую (Дугин 2022а: 41, 43). Дугин, как сам он пишет, общался с олигархом Ходорковским, человеком западнической ориентации: «Я разговаривал с Ходорковским перед его посадкой. Он почти откровенно предлагал подвергнуть русских тихой эвтаназии» (Дугин 2022а: 48). Антизападническое евразийство 1990-х годов было для Дугина не более чем конъюнктурой, если

он сегодня так высоко оценивает роль западников Чубайса и Гайдара в деле приобщения современной России к ценностям западной культуры. Новодворская, по словам Дугина, говорила «правильные вещи» народу: «Друзья, вы мешаете процессу работы керигмы, вас надо истребить, вы просто ничего не понимаете» (Дугин 2022а: 41). Опять наш герой перескочил от слова «лечить» к слову «убить», как только эмоциональная волна охватила и повлекла вдале. Свой бонус «прогрессивности» от Дугина получает и реформатор-западник А. Н. Яковлев, как яркий борец с русской архаикой (Дугин 2022а: 42). Куда в данном случае смотрит ненавидящий Яковлева Проханов, если его визави открыто пишет о полезности для страны людей, которые, по мысли Проханова, были ее разрушителями? Или среди патриотов все допустимо?! Почвенника и патриота академика Д. С. Лихачева, который в эти же 1990-е годы предлагал решения, прямо противоположные решениям Новодворской, Дугин называет «дебиллом статусным» (Дугин 2022а: 42). Соответственно, для Дугина президент «Путин, безусловно, является фигурой воплощенного бреда», как и весь русский народ, «немой, как Герасим в “Муму”» (Дугин 2022а: 43, 44–45). Автор предлагает свой вариант выхода из тупикового положения: «Постмодерн в России мог бы быть (или может быть), если здесь победят Чубайс и Новодворская (посмертно), если русских подвергнут геноциду по-настоящему, а не так в шутку, как в 90-е годы, завезут сюда менеджеров из США и Западной Европы и рабочую силу из Китая и Индии и провозгласят Соединенные Штаты России... И тогда, возможно, здесь что-то заработает: не машины заработают, не трактора заработают, не станки и компьютеры, а субъект» (Дугин 2022а: 47). Страшные слова! И в это же время Дугин пишет в прохановскую газету «Завтра» статью под названием «Свершилось», где он славит референдум о присоединении Донбасса к России, поднимает русскую тему, славит президента Путина: «Путин обрушился на весь западнцентричный миропорядок, который он приравнял к неокOLONIALной расистской системе – к агонизирующему империализму и апартеиду». Звучит другая концепция: «Россия – цивилизация, основным кодом которой является Традиция. Ей противостоит другая цивилизация, и ее код Анти-Традиция, расчеловечивание человека, ложь, агрессия, эксплуатация стран и народов, неокOLONIALизм, террор и зло» (Дугин 2022б). Удивительное словоблудие человека, который одновременно, но для разных аудиторий пишет прямо противоположные слова о русском народе, к которому сам принадлежит. Поразительную мимикрию обнаруживает это способнейшее дитя русского постмодерна!

Итак, философ Дугин в качестве народного врача мечется между решением «убить», как хочет его любимая Новодворская, и решением «излечить» больного – коллективного русского. И останавливается на втором варианте. Что из себя представляет «лечение»? Это одиннадцать пунктов психотерапии. Приведем самые запоминающиеся рекомендации: «спуск в национальное бессознательное вплоть до глубинных пластов – без утраты сознания, т. е. психоанализ русского народа» (а разве большевики-ленинцы не этим занимались 70 лет? Дугин явно настаивает на продолжении эксперимента); «создание карты сновидений, атласа русских снов» (если есть географические атласы, почему бы не сделать атласы снов?); «перманентные эксперименты над собой и над окружающими в целях проверки того, как действует та или иная керигматическая гипотеза на структуры...» (то есть то, что не раз делал Сахаровский центр и что вызывало такой резонанс, как и акция активисток из Pussy Riot в Храме Христа Спасителя, – так надо понимать этот призыв, если речь идет о публичном эксперименте над обществом?); «хирургическое устранение и изоляция наиболее болезнетворных очагов (элиты), активно препятствующих терапии» (это что же – массовое оскпление неугодных олигархов?). Загадочны и располагают к широким толкованиям эти одиннадцать пунктов парамедицинского воздействия на русский народ, при этом Дугин не забывает, как постмодернист, добавить в конце: «то-то будет весело» (Дугин 2022а: 166–167).

Выскажемся от себя по поводу диагноза, поставленного Дугиным западному и восточно-христианскому обществам: «русский народ не сбился – пока не сбился», он весь во власти самой грубой архаики – археомодерна; западный мир держится в рамках логосовой мировоззренческой реальности, но потихоньку сползает к археомодерну. Его диагноз видится нам категорически неверным. Как православный (пусть и старообрядец), Дугин должен был начать свою диагностику западной духовности с момента отсоединения Католической Церкви от Вселенского Православия, начать с нарушения чистоты православного вероучения, разрыва с Православием, а внутри западного мира – с момента фундаментального разделения Церкви и мира, что привело к официальному допуску языческой архаики в мир простонародья, что потом стало основой городского свободомыслия и в немалой степени почвой для западного Возрождения. Анализ А. Ф. Лосева, проведенный им на западном возрожденческом материале художественного творчества, прямо указывает на эти истоки: «Она была аморальной и звериной в своем предметном содержании, но она же обладала всеми чертами самодовлеющей значимости, нео-

бычайной красочностью и выразительностью и какой-то, если выразаться кантовским языком, небывалой целесообразностью без всякой цели» (Лосев 1982: 121). То есть архаика присутствовала не только в народной жизни, она была составной частью возрожденческой эстетики. Такую эстетику Лосев называл «обратной стороной титанизма» (Лосев 1982: 121). А это «разгул страстей, своеволия, распущенности», титанизм, в котором сочетались ломка старого, отжившего со стихией «безграничного человеческого самоутверждения», почивающего на возвышении греха, на откровенном сатанизме. По-иному, и очень убедительно, Лосев трактует и историю появления западного либерализма (включая учения о социализме, коммунизме и проч.): «В течение Средних веков организовались Талмуд и Каббала. Выступить в открытый бой они смогли не раньше XIV–XV вв. (XIII в. появление “Зогара”). Первая битва была дана христианству под флагом либерализма и буржуазии. Какое социально-политическое орудие выработал либерально-капиталистический миф для борьбы с Церковью? Революцию. Революция – идея чисто буржуазная» (Лосев 2021: 398). При этом христианство, ставшее латинством, папством, узурпировавшее личность, солидаризируется с либерализмом, буржуазией, революцией. «Так противостоят друг другу две враждебные мифологические стихии: православная монархия и патриархия, монашество, Церковь и апокалипсис, с одной стороны, – папство, революция, коммуна и анархия, с другой» (Лосев 2021: 401). А. Ф. Лосев опирается на большой круг источников и материалов по Возрождению, чтобы показать связь возрожденческого свободомыслия с отступлением Католической Церкви от основ Православия. Отсюда источник модерна совершенно иной, и западная традиция выглядит не хранительницей Логосового мышления, а наоборот, местом, откуда «археомодерн», или, лучше сказать, языческая архаика начала свой разрушительный путь в христианстве. Россия же сохраняла мир христианского Логоса как мировоззрение всего общества вплоть до конца XVII в. И старообрядцы, как раскольники, оказываются в таком контексте помощниками Запада (!), а не хранителями исконной традиции, поскольку они первые (до Петра I) сделали шаг в сторону раскола единого целого христианского Логоса России. Более того, Петр I в этой ситуации выступает как лицо, желающее спасти страну в условиях нарастающего религиозного раскола и все более явной экономической и военной агрессии Запада, архаика которого уже приобрела невиданные аппетиты «поедания» целых стран и континентов (время создания западных империй). Но мы не говорим, что западные люди были шизофрениками, слюнявыми,

мусорщиками и проч. Мы лишь утверждаем, что со стороны Запада начался путь разрушения христианского, православного Логоса в пользу пробиорочного «гомункулуса» с архаическими чертами и повадками. Фашизм родился не в России, а на Западе. Россия же, даже после удачной (для Запада) прививки западным коммунизмом, не скатилась на позиции расизма, шовинизма и национализма, как ни пытаются это представить те, кто приравнивает друг к другу гитлеризм и сталинизм. Россия сохранила православную традиционность в советское время, которая и скорректировала коммунизм, изъела (тяжелой для себя ценой!) из него самые ядовитые жала, а также наполнила многие советские идеи своими, христианскими смыслами. Вот почему коммунизм в России, к несчастью для страны, приобрел даже некоторые почвеннические черты, за счет чего продолжает держаться и действовать на политической сцене. Это же обстоятельство позволило СССР победить и германский фашизм. И хотя фашизм не был искоренен как идейное явление, но совершенно очевидно, что наша страна спасла мир от радикального, воинствующего германского фашизма. И таким фашизм уже никогда не будет! В сегодняшнем европейском фашизме сохранился лишь антиславянский (антиправославный) накал, с чем Россия и столкнулась сегодня. Славянские государства Европы не хотят этого замечать, их не сдерживает уже ни общее славянство, ни в отдельных случаях общее православие, выше всего этого они ставят европейскую солидарность, которая есть ни что иное как единый западнический национализм фашистского толка. Россия для них неправильная славянская страна, как и неправильная православная страна. Ее неправильность и хотят «излечить», точнее «убить», так что логика современного Запада прямо совпадает с логикой восточника/западника Дугина, так же понимающего «болезни» России. Не называясь иноагентом, он выпускает прозападные, профашистские книги, которые словно никто не читает, кроме небольшой группы философов и поклонников его таланта, он выступает на патриотических и церковных площадках (самая последняя, на середину декабря 2022 г., выступление в Сибири на форуме Русского народного собора, вместе с К. Малофеевым, заместителем председателя собора)¹.

Последняя часть книги «Археомодерн» – небольшая по объему, но буквально напичканная самым разным негативом, – посвящена искусственному интеллекту. Наш образ гомункулуса оказался здесь к месту. Вывод автора неутешителен; нам (русским) нечего бояться, *мы* (а не они! – О. К.) и так по большому счету искусственники, так что замена одного органа на один чип ничего не изменит. Мы давно уже не люди, человеческого в нас только

и осталось, что стремление к смерти. Эта часть – настоящий апофеоз такой «добродетели» настоящего человека. Здесь Дугин, как рыба в водной стихии, как будто психический мир подсознательного и есть подлинный мир, куда обычный человек старается не погружаться, а вот для философа Дугина – это родная стихия, с обилием цитирования и личных размышлений на «пещерную» тему. И, конечно, как радикал, как революционер, он не может не стремиться попасть на чужую территорию, как это выше было сказано А. Ф. Лосевым про два мифа. Поэтому Дугин начинает книгу как «философ» и «психолог», а заканчивает как эсхатолог. Успевает, когда нужно, забежать и на территорию православных. Хочется психологу быть пророком, хотя о каких пророчествах можно говорить, анатомически, как патологоанатом, копаясь в подсознании? Но Библия говорит нам, что пророчествовали не только люди. Поэтому послушаем его простые слова о будущем, которое нас ожидает. «Зло энергично и действенно». «Все будет, и будет скоро, и будет именно так». «Правда, как, мы не описали, потому что видим все открытым и готовимся в этом участвовать». «Развязка» «может затянуться», но «будет, обязательно будет» (Дугин 2022а: 229, 230).

Общие выводы по вопросу дугинского западничества

Дугинская философская концепция археомодерна – это ярко выраженное западничество; революционное, радикальное, идущее как бы от лица самого европейского западника, такого как Гегель, или Кант, или Ницше (не по уровню, а по радикальности наступления на традицию), проникнутое западной самодостаточностью. То, что Дугин выходит на водораздел радикального решения: «убить» или «лечить» «больного русского», свидетельствует о его крайней степени западнического изоляционизма, и здесь обращение Дугина к евразийству, как восточничеству, нужно ему, чтобы иметь возможность, в случае опасности, выйти сухим из воды. Так надо действовать в условиях господства «Радикального Субъекта». Восточничество оказывается для Дугина не контридейностью, а лишь прикрытием его радикального западничества, потому что не может человек, исповедующий западничество, быть одновременно ненавистником Запада. Поскольку западничество/восточничество Дугина является плодом

его кабинетных раздумий, претендующих на научный дискурс, Дугин пытается выстроить научную аналитику процесса функционирования идейности. В этот процесс входят логосовые структуры: премодерн, модерн, постмодерн, – и общества, не имеющие таковых, историческое существование которых ограничено археомодерном, борьбой модерна и архаики в рамках их архетипа. Дугин исходит не из реального исторического процесса, наличия Восточно-христианской, Православной Церкви и отпавшей от Православия Католической, Западной Церкви, а из умозрительной реальности, «философской ошибки» – отказа европейцев на каком-то этапе от физики Аристотеля, с чего и начался их ошибочный путь. При этом о самостоятельном пути Восточной Церкви речь не идет, потому что Православный Восток якобы был лишен пути Логоса. Ошибочный путь западной рациональности Дугин, тем не менее, описывает как образцовый, как правильно познающий мир. Россия и русский народ имеют свой шанс обрести рациональность и сбросить с себя оковы археомодерна, но для этого надо над ними провести масштабную работу по методике психоанализа, чтобы излечить больного от внутренних фобий. И тогда забитый, запуганный, не говорящий на человеческом языке народ, сидящий уже второе тысячелетие в мусорной яме, очнется, исцелится от шизофрении и станет мыслить рационально, как европейцы. Тогда он сможет помочь и европейцам вернуться к традиции, от которой они отошли где-то в XVI в. А потом нас всех ждет Апокалипсис, говорит Дугин, уже как настоящий старообрядец-эсхатолог.

Нам кажется, что в лице А. Г. Дугина западничество в России не просто пришло к своему логическому, бесславному концу, но и открыло нам некую правду о Западе, показало, сколько может таиться негатива и самых разных неожиданных открытий в банальной западнической и прозападнической русофобии. Дугин сегодня одновременно и за Россию, против Украины, и за Европу, и против нее; он все время на качелях; они качнулись вниз, значит, настала ему пора быть опять евразийцем, примирителем России и Азии (как это современно!). Таков нынче образованный западник, к нему так просто не подберешься с критикой его антирусских воззрений.

Примечания

¹ Совсем недавно, в конце ноября 2022 г., в стенах Государственной Думы прошла учредительная конференция общественного движения «Культурный фронт России», где А. Г. Дугин выступал и был не последним человеком. Конечно, русским патриотом, радетелем русской культуры, готовым сражаться за нее, как на фронте, сказавшим пламенную речь. Жизнь постмодерниста, «подпольного человека» продолжается в нескольких разных ипостасях, в том числе смысловых. Но к какому торжеству готовится этот человек, пока нам сложно сказать.

Научная литература

Дугин А. Г. Археомодерн. М.: Академический проект, 2022а.

Дугин А. Г. Свершилось! // Завтра. 2022б. № 40 (1501).

Дугин А. Г. Мамлеевский миф // Завтра. 2021. № 48 (1458).

Лихачев Д. С. Первые семьсот лет русской литературы // Лихачев Д. С. Избранные работы в 3-х томах. Т. 2. Л.: Художественная литература, 1987. С. 5–30.

Лосев А. Ф. Дополнение к «Диалектике мифа». М.: Издательский Дом ЯСК: М.: Гнозис, 2021.

Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1982.

References

Dugin, A. G. 2021. Mamleevskii mif [Mamleian myth]. *Zavtra* 48 (1458).

Dugin, A. G. 2022. *Arkheomodern* [Archeomodern]. Moscow: Akademicheskii proekt.

Dugin, A. G. 2022. Svershilos'! [It's done!]. *Zavtra* 40 (1501).

Likhachev, D. S. 1987. Pervye sem'sot let russkoi literatury [The first seven hundred years of Russian literature]. In *Izbrannye raboty v 3-kh tomakh* [Selected works in 3 volumes], by D. S. Likhachev, 5–30. Vol. 2. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.

Losev, A. F. 1982. *Estetika Vozrozhdeniya* [Aesthetics of the Renaissance]. Moscow: Mysl'.

Losev, A. F. 2021. *Dopolnenie k «Dialektike mifa»* [Supplement to the «Dialectic of Myth»]. Moscow: Izdatel'skii Dom YaSK; Gnozis.

THE QUESTION OF THE RUSSIAN «ARCHEOMODERN» IN THE CONCEPT OF A. G. DUGIN

Abstract. The article is devoted to the analysis of the concept of «archeomodern» put forward by the famous philosopher A. G. Dugin as an ideological extension of the concepts of «modern» and «postmodern». In the monograph *Archeomodern*, the author shows himself as a neoclassical Westerner, a successor to the line of Chaadaev and Belinsky. His critical and, in essence, pejorative assessment of Russian tradition and culture implies its «youth», «underdevelopment», «stunted growth and development». Dugin sees the reason for this in blind copying and following the Western tradition, the lack of independence of Russian thought during the Middle Ages. Dugin does not compare Eastern and Western Christianity, he interprets the processes of the Renaissance and Enlightenment in a Western way, seeing in Europe a model of independence and full maturation of culture and a retreat from its path only in the last century. Dugin defends the Western and anti-Western points of view with equal sincerity. The reasons for this consensus of two diametrically opposed points of view are also analyzed in the article.

Key words: archeomodern, modern, postmodern, premodern, West, Russia, Christian tradition, Orthodoxy, Catholicism, Westernism, Easternism.

For citation: Kirichenko O. V. 2022. The question of the Russian «archeomodern» in the concept of A. G. Dugin. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 31: С. 49–58.

